

Profesor Łesiów prowadził badania z zakresu dialektologii, onomastyki, historii języka, folklorystyki oraz współczesnego języka rosyjskiego i ukraińskiego. Jest autorem ponad 800 publikacji, w tym ośmiu książek, ponad czterystu prac o charakterze naukowym i popularnonaukowym, poświęconych głównie językowi ukraińskiemu i polsko-ukraińskiemu związkom językowym, oraz kilkuset artykułów publicystycznych, dotyczących najczęściej życia społecznego, kulturalnego i naukowego Polski i jej wschodnich sąsiadów – Ukrainy i Białorusi.

Profesor wypromował 20 doktorów oraz niemal 600 magistrów filologii rosyjskiej, ukraińskiej i słowiańskiej.

Działalność naukowa, dydaktyczna i organizacyjna Profesora Michała Łesiowa była wielokrotnie doceniana w środowisku, czego dowodem są liczne nagrody i wyróżnienia: Złoty Krzyż Zasługi, Krzyż Kawalerski Orderu Odrodzenia Polski, Krzyż Oficerski Orderu Odrodzenia Polski, Medal Komisji Edukacji Narodowej, medal „Memoriał iustorum”, medal „Pro Ecclesia et Pontifice”, przyznany Mu przez Papieża Jana Pawła II.

*Maria Borciuch
Lublin*

Владимир Маркович Маркович
(28.11.1936–25.06.2016).

Глазами его бывшего студента

При имени Маркович–фамилия стала знаком всего человека – в сознании возникает образ молодого стройного мужчины, примерно, сорока лет, он стоит, точнее немного прохаживается перед студентами в аудитории и говорит. Происходит это в Алма-Ате, в стенах КазПИ им. Абая, где в 60-ые годы пишущий эти строки слушал Владимира Марковича. Говорит он не спешно, но и не медленно, в руках у него маленькая книжечка, не имеющая отношения к лекции, а в его речи тем временем осуществляется жизнь классического произведения, которое вроде бы неплохо знаешь, но сейчас перед тобой выстраивается такая система взаимоотношений идеологий–персонажей, разворачиваются такие смысловые повороты, о которых ты сам, если и догадывался, то смутно, через матовое стекло. Лекции Марковича всегда оказывались интеллектуальным пиром, где нечто,

известное тебе, обнаруживало свои системные связи и глубины, о которых ты только подозревал.

Еще одна особенность лекций Марковича: вольно или невольно речь лектора приобретала оттенок стилистики анализируемого произведения; разумеется, только «чуть», наверно, в примерах, но ощущение дискурса анализируемого автора возникало.

У него никогда не было конспектов, он стоял, прохаживался и говорил, вытягивая нить размышлений, и речь при этом складывалась поразительно правильная: полагаю, если тут же переносить на бумагу, особой правки не потребовалось бы.

Мысль лектора могла делать непростые, не прямые ходы, могла отступать от хронологии, пересекать разные границы, но всегда возвращалась к некоему стержню, который с несомненностью пронизывал все 90 лекционных минут (в те поры два раза по 45).

Владимир Маркович умел учитывать аудиторию: он мог перед алма-атинскими школьниками говорить о мировоззрении Льва Николаевича Толстого и, не упрощая, внятно и доступно представить ученикам старших классов толстовские искания устройства жизни. Он мог читать публичную лекцию для питерских студентов и аспирантов о художественном методе Гоголя, и перед слушателями выстраивалась парадигма восходящих к мифологическим истокам категорий, с помощью которых можно было пытаться войти в художественный мир гоголевских текстов. Толковые студенты убежали с текущих лекций по расписанию, чтобы попасть на лекции Марковича, и это было оправданно.

Владимир Маркович выпускал первокурсные литературоведческие работы, а в последние десятилетия он создал новаторский курс по герменевтике (с которым я ознакомился в варианте, представленном Е.И. Ляпушкиной), и, на мой взгляд, это курс крупного теоретика, философа. Но о письменных работах Владимира Марковича лучше скажут те, кто профессионально соприкасался с его «тургеневскими» книгами, с его прекрасными статьями по истории и теории русской литературы. Мне же, его бывшему студенту, хотелось вспомнить Владимира Марковича – лектора.

У меня было несколько личных контактов с Владимиром Марковичем, но в их изложении неизменно возникает тема «я и Маркович», а вот этого «я» мне хотелось бы избежать. Скажу лишь, что во всех случаях он проявлял себя как человек отзывчивый, умеющий поддержать то, что ему казалось достойным.

В 60-ые и начало 70-ых в КазПИ им. Абая был только один преподаватель, которого можно было, как лектора, поставить рядом с Марковичем – это Евгений Алексеевич Костюхин. Они и были друзьями. Владимир Маркович первым перебрался в Санкт-Петербург, тогда еще Ленинград. Через несколько лет там оказался и Костюхин. Они работали в разных учреждениях, Маркович – в ЛГУ,

Костюхин – в Пушдоме и Герценовском университете, но их дружба и контакты не прерывались. В январе 2006 года Владимир Маркович без шапки провожал в последний путь своего друга жизни. Автор этих строк, ученик их обоих, в последний раз общался с Владимиром Марковичем в феврале 2008 года на конференции, посвященной 70-летию Евгения Алексеевича Костюхина...

Светлая память Владимиру Марковичу, первоклассному ученому, блистательному лектору и замечательному человеку.

Aleksander Szajkin

Orzeł